

Сергий Чернец

Писательское мастерство

Эссе, статьи и рассуждения

Сергий Чернец

**Писательское мастерство.
Эссе, статьи и рассуждения**

«Издательские решения»

Чернец С.

Писательское мастерство. Эссе, статьи и рассуждения /
С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855021-8

Кто такой писатель, как он пишет, о чем он пишет? Эти и другие вопросы затронуты в сборнике эссе и статей современного рядового писателя. Ответы на них будет интересны читателям. Что такое литература и как она сложна — можно узнать простым языком без многочисленных терминов.

ISBN 978-5-44-855021-8

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Сочинение-пояснение, как писать сочинение правильно	6
Пролог	6
Писательственное	8
Вопрос: о чем пишет писатель?	8
Творчество сродни творению (Писательственное)	9
«Типологическое» изучение литературы (писательственное)	11
Беседа на статью: Кто такой писатель, видение, точка зрения»	14
Писатель и талант	16
Эссе «Об искусстве»	22
Об Искусстве	22
Причастие... Что нужно знать писателю любому	26
Что нужно знать писателю (любому)	27
Воображение и творчество	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Писательское мастерство Эссе, статьи и рассуждения

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2017

ISBN 978-5-4485-5021-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сочинение-пояснение, как писать сочинение правильно

Пролог

Школьные годы чудесные...

Раньше, в мои школьные годы, нас учили в школе писать сочинения по плану. В последнее время, в двухтысячные годы, сочинения в школах не писали, и молодежь не умеет писать сочинения. И полезно будет современным ученикам знать, научиться писать сочинения, что мы покажем на собственном примере.

Итак. План сочинения составляет, содержит:

1 Экспозицию, 2 Завязку, 3 Развитие действия, 4 Кульминацию, 5 Развязку и 6 Постпозицию, завершение.

Еще же, в начале сочинения может быть Пролог, как в нашем случае, а в конце сочинения может быть Эпилог, – в котором содержится мораль, высказывания авторских пожеланий.

1 Экспозиция.

В маленьком провинциальном городке, в школе на окраине учился мальчик Сережа. Был такой предмет по школьной программе – НВП, начальная военная подготовка, который нравился всем мальчикам. Там учили разбирать автомат Калашникова, ходили в тир стрелять из малокалиберной винтовки. Учили пользоваться противогазами, и оказывать первую помощь пострадавшим. Девочки учились делать перевязки, накладывать шины на сломанные руки и ноги. Но весной еще проводилась Военно-патриотическая игра Зарница.

2 Завязка.

И в тот год, в Апреле месяце вся школа готовилась к этой игре, к Зарнице. Игру решили проводить за городскими домами, в поле, около маленькой речки. В нешкольное время, в выходной день, в субботу, все ребята пришли на край заснеженного поля. Старшие классы начали строить из влажного снега 2 крепости: красных и синих. Младшие ребята тоже им помогали. По условиям игры всем нашили на плечи погоны, небольшие тряпочки на оба плеча. Этим заняты были девочки. Погончики пришивать было велено несильно, чтобы можно было их легко оторвать. Если отрывался один погон, то считалось что участник «ранен», а если оба погона терялись – «убитый» выбывал из игры.

3 Развитие действия.

И у Красных и у Синих были построены снежные лабиринты, и высокие крепости, над которыми развевались флаги. Команды начали «военные действия, стали кидать друг в друга снежками. Синие несколько раз подбегали близко к «Крепости» красных. А крепость Красных стояла почти у берега маленькой речки покрытой льдом. Атаки предпринимали и Красные, всем руководили учителя. Во время «атаки» ребята боролись в поле и срывали друг у друга погоны. У «синих» было много «раненых», и «убитых». Но вот Сережа предложил своему «начальнику», учителю физкультуры, свой план победы: обойти противника под берегом реки и напасть сзади на их «штаб» и захватить флаг. Берег реки порос кустами и деревьями и их не будет видно. Сережа был за проигрывающих «синих». Собралась команда из нескольких

мальчишек, и они побежали и спустились к речке. Чтобы их не заметили, пришлось отойти далеко от места, где проводилась игра. Река в этом месте делала поворот, и небольшой омут отдалял весь путь команды Сережи, он был назначен командиром.

4 Кульминация.

Обходить широкий круглый омут по берегу речки было бы долго, а идти по весеннему льду, покрытому снегом, было опасно. Но Сережа «приказал», как командир, чтобы ребята шли через омут по льду. В прибрежных кустах тальника мальчики выломали палки, чтобы проверять лед впереди себя. Так они вышли на реку, перепрыгнув уже тающие закрайки, где лед ломался под ногами. Первым шел Сережа. За ним все остальные. Медленно, они дошли до середины реки, и тут лед начал трескаться. Но легкие ребята проскочили трещины и ускоренно стали идти к берегу. Они почти бежали, уже не друг за другом, но каждый по своему пути, разойдясь вдоль течения речки. Сережа выскочил на берег первый, за ним стали выходить другие ребята. И тут все увидели, что последний неуклюжий толстяк провалился под сломанный лед. Мишка, их одноклассник, был неуклюжим увальнем, и завали его «за глаза» – «Жирдяем». Его веса хватило, чтобы проломить лед недалеко от берега. Тут Сережа бросился на помощь. Он упал на лед покрытый снегом и пополз к образованной полынье. За ним пополз еще один и еще один мальчики. Жирдяй выставил руки пытаясь выбраться, но соскользнул в воду, потому что лед был мокрый. Сережа успел схватить его за руку. А его уже тянули за ногу мальчики, что были позади. Так они тянули цепочкой Жирдяя из воды.

5 Развязка.

Пришлось им возвращаться бегом в свой лагерь. И в тот раз в Зарнице победили Красные, команда Сережи проиграла. А их одноклассник заболел. Он не был отправлен в больницу, но просто не пришел в школу. К нему домой отправились все ребята, после уроков. Это был Миша Столяров. И они подружились с Сережей и дружили потом всю жизнь.

6 Постпозиция.

В школьные годы мы находим хороших друзей. Миша Столяров много раз выручал меня в моей жизни. И я помогал ему бескорыстно и от всей души. Когда мы собираемся на праздники, иногда вспоминаем свою историю из детства.

Эпилог

Вот так примерно классически должно выглядеть «сочинение». Многие современные авторы-писатели отступают от классики, часто детективы начинаются с финальной сцены, – сначала убийство, а потом раскрывается, как это произошло. Но классическое произведение-сочинение, строиться по такой схеме, которую я тут показал.

С уважением, автор.

Писательственное

Вопрос: о чем пишет писатель?

Частенько такой вопрос звучит от обывателей, которые узнают, что человек, встретившийся им на пути – писатель. И этот вопрос ставит в тупик самого писателя и людей его близких, у которых обыватели спрашивают: а о чем он пишет – этот писатель?

Как бы ответил тот, задающий вопрос обыватель на этот вопрос, если спросить о писателях известных всем. Например: о чем писал Пушкин? О любви? – у него есть Евгений Онегин! Сказки писал Пушкин? – у него есть Руслан и Людмила! А может про бунт русских людей: у него и Капитанская дочь рассказ, и Дубровский – написаны?! Так о чем писал Пушкин?

Еще же, если спросить, – о чем писал Лев Толстой. Про войну 1812 года? А может о несчастной любви? – у него есть Анна Каренина! А может про монаха? Есть у него Отец Сергей рассказ! и другие прочие.

А вот тот же Чехов: о чем же он писал? Про то, как Злоумышленник гайки с рельсов скручивал? Или про Вишневый сад? А может про психбольницу? У него палата №6 – знаменитая.

Так и с другими писателями. Нельзя определить резко: тот писатель пишет – о том-то!

Есть определенные типы писательской «специализации», и это узкие специалисты: писатели фантасты – братья Стругатские например, писатели сатирики – Трушкин, Задорнов и другие. Есть писатели историки.

Но, как водится, – узкий специалист, не вполне ученый: ученый математик – ничего не знает в биологии, в генетике и наоборот, – ученый биолог – не ориентируется в Неэвклидовой геометрии Лобачевского.

Поэтому назваться писателем может не каждый: Оноре де Бальзак, например, написал Божественную комедию, состоящую из более 30-ти романов. И он описал все слои тогдашнего общества. Все профессии он описал в точности: и кожаное дело, Шагреневая кожа, и магов и факиров, и дворян и лавочников и торговцев! Как сказать, как ответить на вопрос: о чем писал Оноре Бальзак? – он писал обо всей жизни всего общества, обо всем!!! Вот такой бывает Писатель, писатель с большой буквы.

Ну, а к «большой букве» стремятся все писатели, каждый мечтает стать хорошим в своем деле: плох тот солдат, который не мечтает быть генералом, – сказал известный великий человек.

Конец.

Творчество сродни творению (Писательственное)

Всё больше и больше людей приобщается к садоводству. Кто по необходимости, кто по природной тяге к земле, кто по моде времени. Многие семьи имеют земельные участки в личном пользовании. Собственные сады для обитателей крупных городов – это прекрасное место для активного отдыха для всей семьи на природе. Работа в саду заметно укрепляет здоровье людей, которые большую часть дня проводят в закрытых помещениях и офисах.

Ухаживать и даже создать сад-огород – это сродни творению Божию, ибо Бог создал Землю и насадил сады и поселил животных..., как думал всегда человек.

«Где путь к жилищу света, и где место тьмы?» – задает вопрос человек от имени Бога в великой книге Библии. – «По какому пути разливается свет и разносится восточный ветер по земле?» – спрашивает Бог. «Можешь ли ты связать „узел Хима“ и разрешить узы „Кесиль“? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести „Асс“ с её детьми? Знаешь ли ты уставы Неба, можешь ли установить господство его на земле?» – такие и многие вопросы похожие задавал Бог человеку от древних времен.

Но вот, настало время, когда многое стало доступно людям. При помощи науки человек научился смотреть на Звезды в телескоп и вычислять пути их. Исследовал природу света и вычислил скорость его распространения.

А потому он, человек, познав некоторые законы мироздания и законы природы, начал Творить, «яко Бог» выращивая сады на земле, на которой их прежде не было.

Вдоль реки Волги растут плантации яблок, яблочные сады, где работают люди, садовники и агрономы, удобряя и ухаживая за деревьями.

Встретился мне человек пожилой, садовник-агроном, работник плантаций. Хороший ученый человек, с которым мы общались в его доме, беседовали на всевозможные темы. Как водится в дружеской беседе: рассказал я немного о своей жизни, а садовник поделился своей незамысловатой биографией.

Садовник, несомненно, был творческим человеком, он скрещивал разные сорта яблок и высаживал новые сорта, акклиматизируя их для нашего климата. И творчество его, ему нравилось и казалось делом легким, потому что он любил свое дело и относился к нему, как обычному труду.

Когда садовник узнал, что я был писателем, тоже человеком творческим во всяком смысле, он и говорит:

– Послушай, друг – он подчеркнул серьезным тоном последнее слово в обращении, – Я могу рассказать тебе интересную историю о здешних людях и событиях. Могу «подкинуть» сюжет для целого романа. Самому мне писать нет времени, и умения не хватит. Это дело: писать на бумаге буквы, – не моё. Зато у тебя, как у писателя, получится всё легко, и может получиться великолепное произведение, роман или повесть.

– Очень интересно, – улыбнулся я в ответ, – благодарю. Но романы и повести, написанные наскоро и только запечатлевающие события, это, как газетные новости и это работа для журналистов, – сказал я о своем понимании творчества писательского, и продолжил объяснять разницу и моё понимание.

– Романы не пишут спонтанно, их нужно выносить и выстрадать, некоторым образом. Продумать в рассказе для людей глубокие мысли, которые могли бы научить многих читателей верному пониманию жизни.

– Ну, это сложно, – сказал садовник, – наверное, творчество писателя намного проще, мне казалось. —

И тогда я сказал ему для примера слова одного знаменитого писателя о творчестве: «Вот, возьми огрызок от яблока. В нем есть много семечек. Ты посади их все в землю, поливай и выращивай, и у тебя будет расти прекрасный сад».

– Точно так же требует ухода и выращивания настоящее произведение, – роман или повесть, которые задумываются писателями, иногда многие годы вынашиваются в мыслях, прежде чем воплотиться.

Конец.

«Типологическое» изучение литературы (писательственное)

(Тезисы)

Писатели нередко упрекают критиков и литературоведов за их пристрастие к общим формулам, за их упорное стремление классифицировать литературные явления, распределять их по рубрикам, отыскивать разного рода закономерности и так далее.

Но ведь, несомненно, – заявляют критики критиков, – что каждый писатель – неповторимая творческая индивидуальность и ни в какие рубрики она не укладывается. Каждый художник слова своеобразен.

«Два произведения одного и того же писателя могут обладать совершенно различным стилем и выражать совершенно различное. Довольно трудно узнать в поэтических сонетах Шекспира того же самого творца, который создал драмы и трагедии» – так говорил немецкий ученый Вольфганг Кайзер в своей книге «Словесное произведение».

(Wolfgang Kayser. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in Literaturwissenschaft, S. 282.).

Признание отдельного литературного произведения единственным объектом исследования означает – отказ от научного познания литературы как общественного и эстетического явления. Ведь литература – это вовсе не сумма, не механическое соединение отдельных словесных произведений. Это система сложных связей и взаимодействий, которую, конечно, совершенно невозможно охарактеризовать, игнорируя роль художника – создателя словесных ценностей культуры. Но затем, литература – это процесс, тем более многозначительный и сложный, чем более литературные явления значительней и ярче.

Согласно же методологии В. Кайзера, и сам процесс, и образующие его начала выключаются из научного исследования, которое при этом превращается в простое описание изолированных литературных фактов.

«И поэтому, такие литературные направления, как например, классицизм, романтизм, не имеют типологического смысла» – полагает другой исследователь литературы. Они обладают лишь конкретно-историческим смыслом и содержанием, считает Б. Реизов в своей статье «О литературных направлениях» в журнале «Вопросы литературы». Он признает – немецкий, французский, польский, русский (и т. д.) романтизм, но для него не существует романтизма как международного явления, как типологической общности.

Однако романтизм или классицизм в той или иной национальной литературе – это ведь тоже определенная типологическая общность. И каждое из этих направлений, если рассматривать его лишь в национальном плане, включает в себя писателей – разных по своему творческому облику.

Типологическое исследование литературы рассматривается иногда лишь как разновидность сравнительного исторического её изучения.

Типология и сравнительный анализ – это два разных метода схожих между собой.

1. Сравнительное изучение литературы чаще всего понимается, как исследование связей между различными литературами, как раскрытие влияний и взаимодействий.

Связи, влияния и взаимодействия при этом понимаются достаточно широко. Сюда включаются 1) сходные мотивы у писателей разных стран и разных эпох, 2) сходные – в той или иной мере – сюжетные ситуации, 3) близость художественных образов у различных писателей и 4) одновременно более глубокие связи, которые существуют между отдельными литературами.

Для чего нужно изучение литературы? Вот пример:

Странный комментарий получен мной от вас: «Публиковать ворованные строки не стрёмно?

За дураков держите читателей???»

Ответ: И мне кажется, вы недопонимаете литературу, как явление, в общем! Вам кажется, что писатели пишут только оригинальные тексты? Жалко конечно.

Но уже похвально, что вами узнаются строки классических произведений! К примеру: Читали ли вы знаменитый роман Мастер и Маргарита: там столько написано строк из других произведений: из Библии, из древнегреческих философов! Скажем Булгакову: тот же ваш комментарий!

Наука литературоведения – большая наука. У всех писателей есть строки из произведений мировой классики: тот же Пушкин написал про Дубровского, знаете, – перечитайте, там взяты строки про Робин Гуда из английских романов, имя Робин гуд заменено на Дубровского: он грабил богатых, нападал на них в лесу (только не в Шервудском, а в русском лесу)! Окей! Скажем Пушкину: и ваш комментарий!

Таким образом, в литературе вы профан! А жаль!

Вы думаете, Достоевский написал в своем романе Преступление и наказание текст про Иисуса, пришедшего в наше время спустя 1900 лет? «Великий инквизитор» глава называется. Ан-нет, он списал почти дословно эту притчу, которую еще Вольтер написал! И так далее...

Мы найдем почти во всех классических произведениях строки из других произведений, и они поставляются не случайно и не ради «воровства», а ради отсылки читателя к старой и позабытой классике. Так в романе Плаха Чингиза Айтматова половина произведения – это цитаты из Библии про Понтия Пилата – он нас, читателей, за дураков держит, думает мы Библию не знаем? Ау! Вы вообще литературу читаете?

Люди учатся в Литературном институте имени Горького, становятся критиками, литературоведами. В свое время я тоже проходил «обучение» по литературе, после окончания средней школы и все писатели проходили обучение, хотя бы на курсах литературных! Вам нужно учиться! Факт. Иначе – скажите Достоевскому, зачем он списал про Игрока из французского романа, перенеся на русскую почву? Вот и молодежь книжки не читает, и становится немного тупее, не понимает литературу!

2. Типологическое изучение литературы, в отличие от сравнительно-исторического подхода, предполагает выяснение не индивидуального своеобразия литературных явлений, и не просто сходных черт, и не связей как таковых, а раскрытие тех принципов и начал, которые позволяют говорить об известной эстетической общности, о принадлежности данного явле-

ния (произведения) к определенному типу, роду. Принадлежность эта нередко обнаруживается и тогда, когда литературные факты находятся в непосредственной связи между собою.

Однако не следует считать, что типологическая общность включает в себя однозначные явления, объединяемые лишь по принципу исторической повторяемости. Некоторые литературоведы полагают, что в литературе и искусстве – повторяемость проявляется в такой же мере и степени, как в природе и в различных областях общественной жизни. Как можно понять сторонников этой точки зрения, повторяемость не только широко распространена в литературе, но и охватывает главное в литературном процессе. И если не правы защитники «глобальной» несхожести, то столь же далеки от истины и приверженцы массового единообразия.

То есть оба подхода: и типологический и сравнительный – правомерны по своему.

И далеки от истины эти приверженцы не потому, что повторяемость отсутствует в литературе; она существует, и притом в разных видах (вплоть до цитирования). Главное – как рассматривать её место в литературном процессе. Черты повторяемости раскрываются в каждой творческой общности, выходящей за пределы отдельного художественного произведения, – будь то, например, индивидуальный стиль или, скажем, национальная литература определенного периода. Однако живое развитие литературы, ни в какой мере не сводится к этим повторяющимся чертам.

Вместе с тем известно, что всякое крупное литературное явление вызывает целый поток подражаний, которые представляют собой имитацию уже существующего. Очевидно, это своеобразное повторение, копирование – находится немного за пределами настоящего искусства. Художественное творчество с трудом терпит такого рода повторения-копирования, они несколько губительны для него, они обладают меньшей эстетической значимостью.

Когда речь идет о типологической общности эстетически значимых литературных фактов, имеются в виду, прежде всего, явления, которые могут быть названы родственными – в том или ином отношении, родственными в силу своего сходства в существенных своих особенностях.

Литературная типология предполагает раскрытие общих или сходных тенденций развития – как в литературе народов, близких по языку, так и в мировой литературе.

Литература, как специфическая область духовной культуры обуславливает необходимость изучения её принципов среди её разнообразных явлений. Однородность – не означает тождественности, и поэтому естественно, что они видоизменяются при «освоении» различных сторон литературного процесса.

Конец.

Беседа на статью: Кто такой писатель, видение, точка зрения»

Отзыв 1: Кажется, в РФ писателями считаются только те, кого приняли в союз писателей, остальные – авторы текстов.

Ответ: Спасибо за отзыв. И действительно, – официально, юридически и по прочим законностям во всем мире принятым одинаково: без «корочек» не считается писателем человек пишущий.

Но, для себя самого любой начинающий и/или давно пишущий человек, сам определяет свою позицию. Кто-то пишет мемуары, свои воспоминания только, и он не считает себя писателем. Все ученые и артисты писали мемуары, но не все они были писателями! Вот тут вопрос: писательство не хобби и желание просто поделиться своими впечатлениями жизненными. Писатель – больше чем пишущий тексты человек. Вот о чем речь. Задачи писателя больше, чем поделиться информацией. Даже, был случай, научить токарному делу пытался наш заводской знаменитый токарь, сочиняя истории. Он не был писателем, хотя был принят в Союз писателей области, республики, и писателем себя не считал. Он работал токарем всю жизнь, потом в ПТУ стал преподавать токарное и писал истории про учеников токарей! Вот как его оценить – он официально имел корочки члена СП (!?), а сам он себя писателем не считал?

Да! Тот токарь написал книжки, штук несколько: «Учеба токарному делу», история про мальчика, который стал токарем-карусельщиком, это на огромном станке, который как дом. Хотя он имел корочки – но считать его писателем разве можно??

Извиняюсь! вспомнил! Про корочки члена СП. Иосиф Бродский был осужден как тунеядец: судья заявила (и это известно всему миру, позорный случай) – у нас нет такой профессии «поэт» (и писатель в том числе)! А он, Бродский, получил Нобелевскую премию по литературе! А! В каком союзе и каких писателей он состоял!? Интересно! Так значит, корочки не особенно важны (!), чтобы быть писателем.

Отзыв 2: Мне кажется, что никакой писатель никогда не ставит себе столь глобальные задачи, как то... облагородить человечество, сделать его лучше, духовнее и прочее. Просто придумываешь себе героя и ...делаешь с ним всё, что захочешь. Помещаешь его в любое время, в любую обстановку и окружение, делаешь его красивым или уродом, богатым или нищим, благородным или подлецом...! Ну, просто как Бог (прости Господи!). Вот в этом и весь кайф писательства.

Наиболее талантливые, специально поставив героя в невыносимые обстоятельства, ещё пытаются исследовать и душу его. Это – высший пилотаж!

Всё, о чем Вы здесь пишете, имеет место быть. Но, не это главное. Главное – вот тот... кайф! А читатель..., он почти всегда на последнем месте.

Ответ: Спасибо за отзыв! Писатели бывают разные. Ваш способ существования в писательстве имеет место быть. Но некоторым кажется всё не так, например, (как сказали только что по телевизору, прямо в тему) в передаче «что где когда» был вопрос, это 12 апреля в 23.00 по первой программе! «Что является бельевой веревкой, на которой развешивает белье писатель» – вопрос писательницы англичанки; ответ был дан неправильный, знатоки проиграли! Оказалось – это «сюжет» – вот что было как бельевая веревка для писательницы! Так что «кайф» ваш, это только сотворения сюжета, создание приключений для героя! И это только остов, бельевая веревка! Факт! Не я сказал, можете спросить, проверить, найти передачу в инете «Что где когда». Так что тот «сюжетник», по вашему образцу, тоже может быть писателем, но он писатель сюжетник. А еще есть писатели стилисты, которые словами играют

и так далее. Но писатель на самом деле все эти линии использует только как средства: и сюжет сплетет и словами наиграет, и драматургия и прочее присутствует в писательских произведениях... Как говорит критик Волгин: читайте классику.

Сожаление, в том, что немного неверное представление о писателе вообще и о творчестве в частности мы имеем! Тот тип «писателя», который вы «нарисовали», тоже «имеет место быть». Однако у каждого писателя есть свои секреты творчества. А то, что вы называете писательством: «придумываешь себе героя и ...делаешь с ним всё, что захочешь», это не сам факт Писательства, как такового! Это в среде писательской только лишь часть работы: это составление сюжета называется. И писательница английская сказала о такой работе в вопросе, который задали знатокам в передаче «Что, где, когда» – это все бельевая веревка, на которую она развешивает свое белье! Вот что такое Сюжет. Во-первых – нужна тема: о дружбе, о счастье, о судьбе и её превратностях, например, а потом раскрытие этой темы со своей, писателя, точки зрения. А сюжет придумать: то, что вы сказали, это второстепенная задача, как раз. Можно на любой сюжет наложить, как та писательница сказала, навесить, как белье, свои воззрения на определенную тему. Или хвалить судьбу или ругать её. Или доказать, что счастье есть, или напротив, что счастья не бывает (да-да, есть такие произведения писателей, где говорится, что счастья в жизни нет – есть только борьба за место под солнцем и так далее). Не надо однобоко понимать писательство. Это совсем не придумывание сюжетов похожих на жизнь. Есть у меня рассказы о животных, в которые читатели верят безоговорочно – а если скажем, специалист орнитолог, или биолог посмотрит, – он скажет, что такого не может быть, в действительности животные так не поступают! Сюжет же закручен так лихо, что простой обыватель верит в то, что я придумал! И это не заслуга сюжета, это достигается психологической настройкой в тексте, – описанием события и всего, что с ним связано. Тут сложность!

Вот, пример, из очерка о творчестве Чехова: «В годы творческой зрелости Чехов не один раз возвращался к своим ранним произведениям; иногда он брал там тему и заново её разрабатывал; в других случаях – брал какую-нибудь ситуацию или фигуру (характер) и вводил её, – разумеется, в более ином, более совершенном выполнении – в новое прочтении. И есть статья объясняющая. Это статья «В защиту литературы» может вам помочь понять кто такой писатель! и ставил ли он себе «глобальные задачи». Кстати Достоевский ставил задачу – О роли личности в истории человечества в романе Преступление и наказание, мы писали в школе такое сочинение даже!!!

На этом беседа: отзыв – ответ, на тему писательства, как думается, не закончена. У других людей может быть своя точка зрения, и было бы неплохо поделиться своими мыслями, что очень полезно будет для начинающих авторов, будущих писателей.

Писатель и талант

Все хотят быть талантливыми писателями.

Писатель, как художник по-особому видит мир, по-особенному его характеризует в своих произведениях, и по-особенному раскрывает явления действительности.

Сам по себе талант художника и писателя составляет:

- 1 Способность воспринимать процесс жизни острее и глубже, чем это свойственно другим людям.
- 2 Способность чувствовать и видеть то, что остается незаметным для других.
- 3 Способность на взволнованный и глубокий отклик от впечатлений бытия.
- 4 Проникновение за внешние грани явлений и событий.
- 5 Постигание дотоле неизвестных особенностей предметов.

Определение таланта включает и «системность» представлений и наблюдений художника, его общий взгляд на мир, складывающийся в процессе жизненной практики, в конкретных общественно-исторических условиях.

Изучая жизнь, а затем, запечатлевая её в художественных образах, писатель совершает тончайший и сложнейший труд по отбору и выделению всего значительного, интересного, тончайшую работу по своеобразному анализу явлений и их совмещению, синтезу.

В этом процессе труда писателя, очень важную роль играет характер его понимания окружающего мира. Отрицательное или положительное его отношение к миру вокруг. Особенности освоения действительности проявляются не только в том, какие стороны, какие явления и события привлекают внимание писателя, – но они ясно выражаются и в том, что он сам считает существенным и характерным в современной ему жизни, в чем он видит возвышенное и в чем низменное, в чем комическое, а в чем трагическое.

Другой считает возвышенным, геройским спасение утопающих, а другой не видит в этом подвига, особенно для служителя Службы спасения, (какой же это подвиг, это его работа). Один надсмехается над падением человека поскользнувшегося на льду, другой видит в том трагедию, вывих стопы, травмпункт.

Различное отношение к жизни и событиям в ней происходящим выражают писатели в своих произведениях. И никто не может отрицать, что мысль или идея обязательно присутствуют.

Однако, есть такая тенденция на деидеологизацию искусства. Этим заняты приверженцы интуитивистской эстетики. Они заявляют, что художественное творчество по самой своей природе непреднамеренно. Эта современная идеалистическая эстетика превозносит иррациональное как исходный момент, отрицая сущность, принижая роль разума, интеллекта, а признавая роль бессознательного, инстинктивного начала, интуиции единственным источником художественного творчества.

Без мысли и идеи, без цели пишут многие писатели: говоря, типа, – «я так вижу».

Все это есть.

Но многие выдающиеся писатели постоянно отмечали громадную роль творческой мысли и идейных принципов в литературе.

Вот, Чехов относительно этого писал: «Если отрицать в творчестве вопрос и намерение (с какой целью), – то нужно признать, что художник творит непреднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта; поэтому если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим». (Полн. собр. Соч. том 14).

Лев Толстой, критически оценивая современное ему «бездумное» искусство, всякого рода натуралистические упражнения, говорил: «Но разве это искусство? А где же одухотворяющая мысль, делающая бессмертными истинно великие произведения человеческого ума и сердца?».

Даже еще Пушкин, в иной связи, но столь же ясно и убежденно писал о роли творческой мысли в своих заметках о прозе: проза, заявлял он, «требуется мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат» (Полн. собр. соч. т 11).

Любое произведение писателя должно содержать идею, мысль, которую автор пытается донести до читателя своим рассказом о мире, о жизни.

Отрицание идейности художественного творчества означает крайнее сужение сферы искусства, литературы. Оно чаще всего связано с уходом авторов от больших проблем современности – либо в царство иллюзий, либо в область натуралистического описания мелочей жизни.

Крупных художников слова никак нельзя отнести к числу пассивных созерцателей жизни. Пытливый интерес к миру и людям, стремление понять их, проявляются у писателей, принадлежащих к разным литературным течениям, к различным по своим эстетическим воззрениям. Это заинтересованное активное отношение талантливого писателя к судьбам человека и судьбам мира, поиски правды жизни имеют существенное значение для художественного освоения действительности.

Даже умозрительные понятия, такие как любовь можно выразить, объяснить по-разному привлекательно. Вот, к примеру, отрывок о Любви (с большой буквы) одного из талантливых писателей, который известен всем почитателям его таланта именно своей «идейностью»:

«Знаешь ли, – обращается автор к читателю, – какая мысль приходит теперь мне часто в голову? Думаю я так: инстинкту размножения неизменно подчинено все живущее, растущее и движущееся в мире, от клеточки до Наполеона и Юлия Цезаря, но только человеку, этому цветку, перлу и завершению творения, ниспосылается полностью великий таинственный дар любви.

Но посылается не так уж часто, как это мы думаем (любовь приходит отнюдь не ко всем). Случаи самой высокой, самой чистой, самой преданной любви выдуманы – увы! – талантливыми поэтами, жаждавшими такой любви, но никогда не находившими её.

Видишь: все мы мыслим, я полагаю, непрерывно, в течение жизни. Но настоящих философов человечество знает не больше десяти – двадцати.

Все мы сумеем нарисовать фигуру человечка: кружок, с двумя точками-глазами, и вместо ног и рук четыре палочки. Миллионы художников рисовали немного лучше, но есть пределы: никто не мог добраться до Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рембрандта.

Кто из нас не сумел промурлыкать легонький мотивчик или подбирать его одним пальцем на пианино? Но наши музыкальные способности совсем не сродни гению Бетховена, Моцарта или Вагнера и не имеют с ними ни одной общей душевной черты.

Одни люди от природы наделены большой физической силой. Другие рождаются с таким острым зрением, что свободно, невооруженным глазом, видят кольца Сатурна.

Так и любовь. Она – (есть) высочайший и самый редкий дар неведомого бога.

Подумай-ка. Сколько миллиардов людей с сотворения мира совокуплялись, наслаждались, размножались и занимались этим в течение миллионов лет. Но много ли раз ты слышал о большой и прекрасной любви, – о любви, которая выдерживает всяческие испытания, преодолевает все преграды и соблазны: торжествует над бедностью, болезнями, клеветой и долгой разлукой? О высшей любви, – о которой сказано, что она сильнее смерти? И неужели ты не согласишься со мной, что дар любви, как и все дары человеческие, представляет собой лестницу с бесконечным числом ступенек, ведущих от влажной, темной, жирной земли – вверх, к вечному Небу и еще выше?...

Позволь только напомнить тебе о том, что была эпоха, когда человечество вдруг содрогнулось от сознания того болота грязи, мерзостей и пакости, которые засосали Любовь, и сделало попытку вновь очистить и возвеличить Любовь, хотя бы в лице женщины. Это было Средневековье (как ни странно, полное страданий). Это было рыцарство с культом поклонения перед Прекрасной дамой. И как жаль, что это почти священное служение женскому началу выродилось в карикатуру, в шутотрагедию...».

Вот такая была мысль автора, что бывает настоящая Любовь, и как она актуальна в сегодняшнем мире, где о любви знают только по старинным книгам. Потому что любовь в современном мире поистине «выродилась», ее нет, есть только пародии.

Подъем или упадок в развитии литературы и искусства тесно связаны с общими взглядами художников на мир, с широтой и глубиной идейно-творческого охвата явлений жизни.

Стендаль, в свое время дал характеристику искусству: «Итальянское искусство упало с высоты вовсе не потому, что, как обычно полагают, его покинуло высокое дыхание Средневековья, что недостает гениальных творцов... гений всегда живет среди народа, как искра в кремне, – необходимо лишь стечение обстоятельств, чтобы эта искра вспыхнула из мертвого камня.

Искусство пало потому, что нет в нем той широкой мировой концепции, которая толкала на путь творческой работы прежних художников. Детали формы и мелочи сюжета, как бы художественны они ни были, еще не составляют искусства, – подобно тому, как идеи, хотя бы и гениальные, еще не дают писателю права на титул гения или таланта. Чтобы ими стать, надо свести круг воззрений, который захватил бы и координировал весь мир современных идей и подчинил бы их одной живой господствующей мысли. Только тогда овладевает мыслителем фанатизм идей, то есть яркая и определенная вера в свое дело, без которой ни в искусстве, ни в науке нет истинной жизни».

Большие идеи вдохновляют художника на творческие искания, освещают ему дорогу к вершинам искусства. И хотя великие идеи сами по себе не создают таланта, но талант, владея ими, создает высокие ценности искусства.

Одаренный писатель может накопить большие знания, касающиеся той или иной сферы жизни, он может быть очень осведомленным человеком, эрудитом, и, тем не менее – при отсутствии широкого взгляда на жизнь – он оказывается бессильным раскрыть что-то существенное в действительности.

Знаменитый В. И. Даль, автор словаря, собиратель народных пословиц и поговорок, написал книжку «Картины из русского быта». Эта книга безусловно ценная как историче-

ское исследование, но не очень-то подходит под определение художественной литературы, поскольку не выражает никакой идеи, и не несет никакой оценки действительности: ни что хорошо, ни что плохо в жизни народа, и так далее. Об этой книге написал критическую статью Н. Г. Чернышевский, в которой выразил важнейший недостаток: Чернышевский отмечал, что в народных рассказах писатель (Даль) не обнаружил глубокого и верного понимания народной жизни, что Даль владеет огромным запасом сведений об этой народной жизни, но «он знает народную жизнь, как опытный петербургский извозчик знает Петербург»; ему известны отдельные переулки и улицы, но настоящего представления об облике города в целом, о его характере, особенностях он не имеет.

Остановимся на опыте писателя М. Горького. Он описывает свои творческие искания в свой начальный период литературной деятельности. Рассказывая о встрече писателя с взыскательным читателем, он говорит: «Я открыл в себе немало добрых чувств и желаний, немало того, что обыкновенно называют хорошим, но чувства, объединяющего все это, стройной и ясной мысли, охватывающей все явления жизни, я не нашел в себе...».

В суждениях читателя М. Горький выразил свое понимание литературы, её общественного назначения. Отрицательное отношение читателя вызывала описательная, бескрылая беллетристика: «Загромождающая память и внимание людей мусором фотографических снимков с их жизни, бедной событиями, подумай, не вредишь ли ты людям? Ибо – сознайся! – ты не умеешь изображать так, чтоб твоя картина жизни вызвала в человеке мстительный стыд и жгучее желание создать другие формы бытия.... Можешь ли ты ускорить биение пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть в неё энергию, как это делали другие?»

Объединяющую мысль, как ведущее начало в творчестве М. Горький видел в страстной борьбе против мерзостей жизни, в том, чтобы неустанно звать к созиданию иных форм человеческого существования. Таким образом, широкий и активный подход к действительности сливает воедино большую мысль и большие чувства, передовые идеи и живые художественные образы!

Конец.

Писатель и талант продолжение.

Совершенно ясно, что в процессе творчества большую роль играет художественная интуиция писателя. Но есть некоторое мнение, что «Муза творчества» «диктует» писателям на бессознательном уровне все творческие идеи.

Оспаривая доводы защитников бессознательности творческого труда, М. Горький утверждал:

«У нас бессознательность смешивается с интуитивностью, то есть с тем человеческим качеством, которое именуется интуицией и возникает из запаса впечатлений, которые не оформлены еще мыслью, не оформлены сознанием, не воплощены в мысль и образ.

Я думаю, что с очень многими, почти с каждым из вас, бывало так, что они сидят над страницей час, два и все что-то не удастся, – но вдруг человек попадает туда, куда следует попасть, то есть завершает цепь познанных им фактов каким-то одним фактом, которого он не знает, но предполагает, что он, должно быть, таков, и даже не предполагает, а просто чутьем думает, что именно таков. И получается правильно.

Это внесение в опыт тех звеньев, которых не хватает писателю для того, чтобы дать совершенно законченный образ, – это и называется интуицией. Но называть это бессознательным – нельзя. Это еще не включено в сознание, но в опыте уже есть». Так писал Горький.

Есть такая писательница Натали Саррот и она говорила в пользу бессознательного творчества с трибуны международного симпозиума даже:

«Для писателя существует два рода действительности: 1) Есть действительность видимая – та, в которой он действует, в которой живут все люди вокруг него, та действительность, которая видна с первого взгляда и которую может увидеть каждый. Именно эта действительность как раз и НЕ является субстанцией романа. Эта действительность разведана, изучена, она уже известна, она была множество раз выражена в формах, которые, в свою очередь, тоже тысячи раз использованы и показаны...».

Немного предвзята и неправа Натали Саррот, когда утверждает, что «общая», «массовая» действительность уже разведана и изучена, конечно. Но все же. Натали Саррот полагает, что у каждого истинного художника есть 2) своя действительность, не похожая на «общую».

«Но может случится так, – заявляет она, – что отправные пункты его (художника) творчества не связаны ни с социальными конфликтами, ни с общественной борьбой, ни вообще с окружающей его видимой действительностью. Он может оказаться перед лицом чего-то такого, что не имеет ничего общего со всеми этими вещами, оказаться перед лицом такой действительности, в которой он чувствует себя одиноким, куда не может проникнуть вместе с ним ни одна живая душа, перед лицом такой действительности, которая изолирует и отделяет его от других людей... Свойственная ему манера постижения мира „сливается“, по выражению Сезанна, с самыми глубокими корнями его существа, она погружена в область подсознательного...».

Индивидуальная действительность художника – в суждениях Натали Саррот, – предстает совершенно обособленной от всего социального, от всего того, чем живут остальные люди. Речь идет не об индивидуальном восприятии, видении реального, а о той действительности, которая создается самим художником, и создается бессознательной сферой психики художника. Это, якобы, не объективный мир, а мир причудливых субъективных ощущений и представлений. Так реальная действительность превращается в нечто иллюзорное. Само понятие «действительность» оказывается лишь синонимом субъективной воли художника.

Но и тут, всё не так.

Взять современные популярные сочинения о Гари Потере, и другие фэнтези, типа, «Аватар» – и то в них присутствуют все те же конфликты и перипетии, которые есть у нас в нашем мире. И в них обыграны чувства людей нашего мира: любовь и ненависть, алчность и героизм, предательство и борьба. И здесь художники находят опору своим идеям и источник своих глубоких обобщений и выводов.

Хорошо известно, что творческий труд многих художников, по их собственным признаниям, протекает иначе, чем просто фантазией.

В основе творческого замысла писателя чаще всего лежат его наблюдения над современной ему действительностью, впечатления, которые вызывают у него явления жизни окружающей, общественно-исторические события.

И очень часто происходит так: Внимание писателя привлекают определенные, поразившие его творческое воображение события, факты, люди, – но художественный замысел созревает лишь со временем, постепенно вызревая внутри его сознания. Он нередко рождается в процессе мучительных исканий и раздумий. И уже оформившийся, кристаллизовавшийся замысел, иногда, претерпевает существенные, нередко коренные изменения.

Создавая художественные образы, писатель отталкивается не от общих логических предпосылок, а от восприятия жизни, не от абстракций, а от конкретных явлений действительности.

Это касается и тех писателей, которые с самого начала ясно сознают, о чем будут писать, осознают идею своего будущего произведения.

Вспомним слова Пушкина из «Онегина»:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

Многие писатели прошлого и наши современники в своих высказываниях засвидетельствовали, как складывались замыслы их произведений.

Вот, Тургенев написал статью:

«По поводу «Отцов и детей». Роман «Отцы и дети» тоже выдумка, – ведь, не было такого Базарова, хотя, может быть, были люди с таким характером и так далее. В своей статье Тургенев писал:

«... Я должен сознаться, что никогда не покушался „создавать образ“, если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примешивались и прикладывались подходящие элементы... Точно то же произошло и с „Отцами и детьми“; в основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача (он умер незадолго до 1860 года). В этом замечательном человеке воплотилось – на мои глаза – то едва народившееся, едва бродившее начало, которое получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то время не совсем ясно; я, на первых порах, сам не мог хорошенько отдать себе отчета – и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, как бы желая проверить правдивость собственных ощущений».

Вот и сегодня мы видим множество новых форм отношений между людьми, мы видим новые типы людей, появившиеся только что, которые имеют уже свои собственные взгляды, свои привычки и пристрастия. Нашим писателям стоит оглянуться и присмотреться к людям окружающим и увидеть «зорким творческим взглядом» новое в развитии общества и в людях. Найти, обобщить, типизировать и затем поставить в свои эпические и/или простенькие произведения! Время меняет не только обстановку: небоскребы, скоростные поезда, интернет и гаджеты, – время меняет людей и их отношения.

Удачи всем талантам.

Конец.

Эссе «Об искусстве»

Об Искусстве

Что было первым в жизни человечества: рисунки в пещерах или музыка барабанов первобытных? Это вопрос вопросов. Но искусство появилось с самого начала, как человек стал разумным.

Есть мнение: из всех искусств, музыка – самое человеческое и распространенное. Как подражание природным звукам возникшее, но приобретшее свои особенные черты, несущее свои цели.

Шекспир о музыке сказал красиво:
Музыка глушит печаль.
Нет на земле живого существа
Столь жесткого, крутого, адски злого

Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота.

Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть изменником, лгуном,
Грабителем. Души его движенья —
Темны, как ночь, и как Эреб

Черна его приязнь.
Такому человеку – не доверяй!

Музыка – (всегда была, как) утешение для опечаленного человека. Но в то же время и давно и на сегодняшний момент – музыка воодушевляет весь мир. Она снабжает души людские крыльями, способствует полету воображения. Музыка придает и жизнь, и веселие всему существующему.... Её можно назвать воплощением всего прекрасного и всего возвышенного. Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души; и раз музыка обладает такими воспитательными свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодежи. Вот с чего нужно начинать, знакомя человека с искусством.

Всё можно победить при помощи искусства, – и все печали у которых есть предел и страхи, у которых нет пределов. Искусство, если не побеждает, то может смягчить всяческое страдание человека.

В искусстве была и есть свобода. Оно едино, на потребу, но видов его множество. Рождались новые искусства из подражания природе, но пока, никакое искусство не может превзойти мастерство самой природы. И сады и парки, только чуть подправленные рукой садовника, относятся к искусству манипуляции самой природой! И в них является нам красота.

У искусства нет других врагов, кроме невежд.

Человек творил искусство всегда сам, но где дух не водит рукой художника, там искусства нет. Оно исчезает, когда заменяется на амбиции художника-творца. «Живописец, смотри, чтобы алчность к заработку не преодолели в тебе чести искусства, ибо заработок (приобретение) чести от искусства, – куда значительнее, чем честь от богатства. Когда художник прославляется людьми за его произведения – и помнится в веках».

Живопись развивалась и теперь она – равна поэзии, которую видят. А поэзия равна той же живописи, которую слышат.

Так от рисования и от живописи назван всякий творец искусства художником: писатель – художник слова, и даже кулинар – художник приготовления пищи.

Художник, творческая личность, подчиняется иному, более высокому закону, чем закон простого долга. Для того, кто призван совершить великое деяние, осуществить открытие, например, и/или подвиг такой, который продвинет вперед всё человечество, – для такого человека подлинной родиной является уже не его отечество, а его деяния. Он ощущает себя ответственным, в конечном счете, только перед одной инстанцией – перед той задачей, которую ему предназначено решить, и он скорее позволит себе презреть государственные и временные интересы, чем то внутреннее обязательство, которое возложили на него – его особая судьба, и особое дарование.

Пример тому художники Возрождения – тот же Микеланджело. Когда запрещено религиозным обществом было изображение натуры и природы человеческой. И знают все примеры Галилея и Джордано Бруно, сожженного на костре – то были истинные художники науки – представившие взору человечества бесконечную красоту вселенной и нашей Солнечной системы, красоту космоса!

Величие искусства в том и состоит, – в этой вечной напряженной раздвоенности, – сопротивление мифического старого мира, новому реальному:

Между красотой и состраданием,
Любовью к людям и страстью к творчеству,
Мукой одиночества и раздражением от толпы,
Между бунтом и согласием.

На гребне хребта, по которому идет вперед
Большой художник, – каждый его шаг, это есть
Приключение и величайший риск.
В этом риске, однако, и только в нем,
И заключается свобода искусства.

Каждое художественное произведение принадлежит и своему времени и своему народу и своей среде. Искусство овладело всем. Искусство, как и природа, если вы не пустите его в дверь, оно войдет в окно. Для художника нравственная жизнь человека – это лишь одна из тем его творчества. Искусство выносит на свет все скрытые страсти человеческие на всеобщее обозрение. Этика искусства – в совершенном применении несовершенных средств.

Есть момент обязательный в творчестве, когда художник судит весь мир по своему разумению.

«Искусство жаждет самовластья
И души черпает до дна.
Едва душа вздохнет о счастье —
Она уже отрешена». —

Как говорил один поэт.

В искусстве нет заместителей-помощников, тем оно и отличается от всего. В производстве нельзя без заместителей и без помощников, но затем и создано и существует искусство, что человек тут – сам (один). Меняются приемы творчества, но никогда не может умереть или устареть душа, тот дух, вложенный в создание произведения искусства.

В искусстве – свобода. Оно едино, но видов его множество. Оно долговечно, коль жизнь коротка. Оно всеобщее достояние, смягчающее нравы всех времен.

Искусство ревниво: оно требует, чтобы человек отдавался ему всецело, и как сказал поэт:

«Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако, образ, им запечатленный,
Веками будет согревать сердца.
Я тысячами душ живу в сердцах
Всех любящих, и значит я не прах,
И смертное меня не тронет тленье».

Никакое искусство не может превзойти мастерство природы. Оно может восполнить её недостатки. Вот, в живописи – кто, нарисовавши лицо, прибавляет еще кое-что, тот и делает уже картину, а не портрет.

Природа и искусство, – как материал и творение. Даже красоте надо помогать: ибо и прекрасное предстанет уродством, если не будет украшено искусством, которое удаляет изъяны и полирует достоинства. Природа бросает нас на произвол, (и в зной и в холод) – прибегнем же к искусству – украсим себя в красивые одежды. А без искусства и превосходная натура останется несовершенной. Изящество потребно нам и не в одних только искусствах развлечений, но и во всех делах людских.

Земля, в конце концов, выветривается, и пыль улетает с ветром; все люди умирают, исчезают бесследно, – кроме тех, кто занимается искусством. Экономика и техника (как палка-копалка) тысячелетней давности кажется нам наивной, а произведения искусства (статуэтки, картины и архитектурные постройки) живут вечно.

Вот и скульптура имеет значительность: она не терпит шутовства и паясничества, не бывает юморна и забавна – мрамор не смеется. Искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном и наоборот, обыкновенное в необыкновенном. Смотрите на фигуры украшающие Храмы древности, – там есть всё: и необыкновенные демоны, и людские пороки (в Храмах фаллоса, например).

Есть некие правила настоящего искусства.

1). Каждое произведение искусства должно выражать собою какое-либо великое правило жизни, должно поучать, иначе оно будет мертво.

Художник работает от души: набросок – создание пыла (эмоций) и гения (озарения), картина – создание труда, терпения, долгого изучения и законченных знаний в искусстве.

2). Задача искусства – волновать сердца.

Живость ума – не слишком красит человека, если ей не сопутствует верность суждений. Не те часы хороши, что ходят быстро-быстро, а те, что показывают точное время. Так и в искусстве, все должно быть вымерено и точно, и у таланта это достигается интуитивно. Высшая похвала художнику, – это когда перед его произведением забывают люди о похвалах, воспринимая естественно красоту его.

3). Художник (должен) так изображает красоту души, что красота души придает прелесть даже невзрачному телу. Точно так же, как безобразие души кладет на самое великолепное сложение и на прекраснейшие тела какой-то особый отпечаток, который возбуждает в людях необъяснимое отвращение.

Вот истинное величие искусства. Всё то, что чувствует наша душа в виде смутных, неясных ощущений – искусство преподносит нам в громких словах и ярких образах, сила которых и поражает. Поэтическое произведение должно само себя оправдывать, ибо там, где не говорит само действие, вряд ли помогут слова оправдания.

Служенье Муз не терпит суеты – сказал Пушкин.

Искусство стремится непременно к добру, положительным или отрицательными образами: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего. «Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь её таким образом, что всякий из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашивается: разве это уже не похвала всему хорошему (?), разве это не похвала добру?» – сказал еще Гоголь.

Отсюда надо любому художнику приложить свой ум-разум. Искусство без мысли, что человек без души – труп.

Искусство достигло огромных вершин: оно как высшая инстанция для решения жизненных вопросов человека. Обо всех страстях есть множество произведений искусства.

«... Не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо над головой – отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия!» – говорил Тургенев.

Есть свои радости в каждом виде творчества: всё дело в том, чтобы уметь брать свое добро там, где ты его находишь. Дороги, ведущие к искусству, полны терний, но и среди препятствий на них удастся срывать прекрасные цветы.

Цель личной выгоды у художника убивает всякое произведение искусства. Писатель может сделать только одно: честно наблюдать правду жизни и талантливо изображать её; все прочее – бессильные потуги ханжей. Произведение искусства – это уголок мироздания, увиденный художником сквозь призму определенного темперамента. Поэтому так различны рассказы и картины об одном и том же: как четыре Евангелиста по-разному изобразили жизнь Христа.

«Задача искусства не в том, чтобы копировать природу и\или жизнь человеческую, но чтобы её выражать. Нам должно схватывать ум, смысл, облик вещей и существ и доходчиво передавать их людям!»

Конец.

Причастие... Что нужно знать писателю любому

Причастие в названии – это прикосновение к чему то, участие невольное в творчестве.

Что нужно знать писателю (любому)

Несмотря на то, что приведенные цитаты кажутся банальными школьными, но – век живи, век учишься, и повторение – мать учения. Надо и надо напомнить себе о том школьном, что мы часто забываем. Не забываем совсем, а так: «запамятавали», как говорится. Так вот, еще раз можно и вспомнить.

Причастие и Деепричастие —

это самостоятельная часть речи или особая форма глагола в русском языке, обозначающая добавочное действие при основном действии. Эта часть речи соединяет в себе признаки глагола (вид, залог, переходность и возвратность) и наречия (неизменяемость, синтаксическая роль обстоятельства). Отвечает на вопросы: что делая? что сделав?

Сходные глагольные формы существуют во многих индоевропейских языках – русском, латинском, французском, а также в тюркских, финно-угорских и других языках. В других языках может называться герундием.

ПРИЧАСТИЕ, ДЕЕПРИЧАСТИЕ.

Вопросы: КАКОЙ? Что делающий? Что сделавший? Что сделанный? Что делаемый? КАК? КАКИМ ОБРАЗОМ?

Что делая? Что сделав? Что сделавши?

Примеры:

Развивающийся, запомнивший, написанный, двигаемый Развивая, запомнив, написавши.

Признаки ГЛАГОЛ+ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ, ГЛАГОЛ+НАРЕЧИЕ.

Относится к имени существительному (местоимению). Относится к глаголу (сказуемому).

Причастие – это самостоятельная часть речи, которая обозначает признак предмета по действию, объединяет в себе свойства прилагательного и глагола (какой? что делающий? что сделавший?).

Деепричастие-самостоятельная часть речи, которая обозначает добавочное действие, объединяет признаки глагола и наречия и показывает, каким образом, почему, когда совершается действие, названное глаголом-сказуемым. (что делая? что сделав? как? каким образом? почему? когда? и др).

Имя прилагательное – самостоятельная часть речи, обозначающая непроецессуальный признак предмета, и отвечающая на вопросы «какой?», «какая?», «какое?», «какие?», «чей?». В русском языке прилагательные изменяются по родам, падежам и числам, могут иметь краткую форму. В предложении прилагательное чаще всего бывает определением, но может быть и сказуемым.

Это выписки из энциклопедии. А разговор пойдет том, что всё это применяется писателями, часто интуитивно. Писатель особо не задумывается, не заморачивается над правилами, а пишет так, как оно ему приходит на ум. Он дает характеристики своим героям, он дает описания обстановки и только во время правки текста может столкнуться вплотную с теми же прилагательными. И это бывает правильно и это правило для каждого писателя.

Байка – поучительный или юмористический рассказ, иногда основанный на реальных событиях.

Достоверность байки несколько выше, чем анекдота, но это не исключает прямого вымысла или литературных приёмов, с помощью которых рассказчик «подаёт» байку.

Как и анекдоты, байки также делятся по тематическим направлениям, охватывающим разные отрасли деятельности человека:

- охотничьи байки
- рыбацкие байки
- армейские байки
- студенческие байки
- исторические байки
- морские байки
- байки на околокомпьютерную тематику.

В жизни термин «байка» часто заменяется, на термин «история». Иногда байка путём художественного пересказывания превращается в анекдот, и, наоборот, некоторые «бородастые» анекдоты иногда можно встретить в виде байки. Иногда под байкой понимают вымышленную неправдоподобную историю, сказку (выражение «что ты мне тут байки рассказываешь»).

Байка, по сравнению с анекдотом, имеет, как правило, больший объём, но в то же время несёт и несколько большую информационную нагрузку, поскольку в ней не используются приёмы сжатия и упрощения информации, присущие анекдотам и шуткам.

В Сети существует множество ресурсов, на которых публикуются байки, и на сегодняшний день байки не менее популярны, чем анекдоты.

Рассказ или новелла (итал. *novella* – новость) – основной жанр малой повествовательной прозы. Автора рассказов принято именовать новеллистом, а совокупность рассказов – новеллистикой.

Рассказ – меньшая по объёму форма художественной прозы, нежели повесть или роман. Не следует путать русскую новеллу – короткий рассказ, отличающийся стилем изложения, с английским омонимом *novella*, который является синонимом современного понятия повесть. Рассказ восходит к фольклорным жанрам устного пересказа в виде сказаний или поучительного иносказания и притчи. По сравнению с более развёрнутыми повествовательными формами в рассказах не много действующих лиц и одна сюжетная линия (реже несколько) при характерном наличии какой-то одной проблемы.

Рассказам одного автора свойственна циклизация. В традиционной модели отношений «писатель-читатель» рассказ, как правило, публикуется в периодическом издании; накопленные за определённый период произведения затем издаются отдельной книгой как сборник рассказов.

Типичная структура классической новеллы: завязка, кульминация, развязка. Экспозиция факультативна. Ещё романтики начала XIX века ценили в новелле неожиданный «соколиный» поворот (т. н. пуант), который соответствует в поэтике Аристотеля моменту узнавания, или перипетии. В связи с этим Виктор Шкловский отмечал, что описание счастливой взаимной любви не создаёт новеллу, для новеллы необходима любовь с препятствиями: «А любит Б, Б не любит А; когда же Б полюбила А, то А уже не любит Б».

Примерно так выглядит то, что сегодня пишут писатели, с точки зрения энциклопедии. Пишутся и «рассказы» – так громко названные и пишутся «байки». И всё это не имеет никакого близкого отношения к действительно Художественной литературе. Почему? Вот тут и требуется пояснение.

Описать любое событие, современное автору, человек может и в протокольной манере, что мы часто и видим. Но даже, – если автор расцветит свое «произведение» прилагательными и причастиями и деепричастиями, реального Художественного произведения не получается. А по простой причине: констатация факта – это документ, что тоже важно для истории. Но, изучая кучу документов про войну 1812 года, писатель Лев Толстой создал роман-эпопею, поистине Художественное произведение. В нем нет цифр и исчислений, которые были в документах, в романе много прилагательных и тех же причастий, которые не причастны к документам.

Все герои романа «война и мир» изображены «образно», типично, и/или типизировано. Хотя может быть реально, персонаж имел прообраз в жизни, но он показан, описан так, что мы можем встретить похожих Болконских и после, и даже в наше время, и таких, как Наташа Ростова девушек, похожих, можно встретить и в 19 веке и в 20-ом и даже в 21-ом. Все герои типизированы – тот же герой-партизан был не один такой, их было много и они все похожи на того партизана, которого описал Лев Толстой.

Даже в использовании фантастического вымысла Писатель проявляет Художественность: использует фантастику, как средство реалистической обрисовки действительности. Например, «Нос» Гоголя – подлинный шедевр фантастико-реалистического повествования. А также с большим мастерством фантастика использована в «Шинели». Гоголь проявил освоение «невероятного», фантастического в целях освещения реальных черт, свойств действительности, характеров людей.

Для истинного художника (художника слова, каким и должен быть Писатель), как утверждал Гоголь, – нет «низкого предмета в природе». Самые несхожие явления окружающего мира, все то, что составляет содержание жизни человека, все то, что интересует его, может и должно быть объектом искусства.

«В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом, – писал он в „Портрете“, – в презренном у него нет уже презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего».

Обращаясь к различным сторонам жизни, художник не просто воспроизводит, а обогащает их. Эту же мысль писатель развивает и в «Мертвых душах», заявляя в лирическом отступлении, что – «равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движение незамеченных насекомых», что «много нужно глубины душевной, чтобы озарить картину, взятую из презренной жизни и возвести её в перл создания».

А еще, важное, – Живая общественная устремленность, гражданственность составляют неотъемлемую особенность творчества Гоголя. «Поверь, – писал он Шевыреву, – что какое ни выпусти художественное произведение, оно не возымеет теперь влияния, если нет в нем именно тех вопросов, около которых вращается нынешнее общество».

Не раз мы слышали, что Писатель должен «выражать правду жизни», как Астахов писал о Сибири и прочие писали о проблемах общественных. И по мнению Гоголя, подлинный художник не должен стоять в стороне от современной жизни, от её коренных потребностей. Даже более того, оправдано выражение: «Поэт в России больше, чем поэт». «...Писатель, – заявлял Гоголь, – может, более чем кто-либо другой, быть разрешителем современных вопросов». «Социальность» Гоголя выражалась в преимущественном внимании к тому, что характеризует физиономию современного общества, что определяет его черты, движущие пружины его жизни. С полным основанием Гоголь называл «Ревизора» – общественной комедией.

Вот маленький парадокс. Сегодняшние горе-писатели, писать стараются также: и красиво и правдиво, но Художественного в их произведениях очень мало, потому что понятие «Художественности» утеряно и ему надо учиться заново.

Сегодня появилось и уже существует искусство иррационального характера. Почти на уровне Фрейда, фрейдизма. Писатель якобы пишет инстинктивно, интуитивно и прочее. Происходит такая-некая – «деидеологизация» искусства. Правомерность такого рода процессов иногда пытаются обосновать, используя достижения кибернетики, компьютеризации общества.

Однако, если писатель не имеет, не несет в себе никакой идеологии, то у него не получится, и не получается реального Художественного произведения. Без мыслей: что такое добро, что такое зло – получается плохо и совсем нехорошо. Многие выдающиеся писатели постоянно отмечали громадную роль творческой мысли, идейных принципов литературы.

Вот как писал об этом Чехов: «Если отрицать в творчестве вопрос и намерение, – то нужно признать, что художник творит непреднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта; поэтому, если бы какой-нибудь автор похвастался мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим». (Полное собрание сочинений и писем).

Изучая жизнь, а затем, запечатлевая её в художественных образах, писатель совершает тончайший и сложнейший труд по отбору и выделению значительного и интересного. Тончайшую работу по своеобразному анализу явлений действительности и их синтезу.

Такой у нас век! Что работа писателя обесценилась. А художественных произведений не стало совсем.

Многие сегодня пишут о событиях своей жизни: «я ходила воровать яблоки по соседним садам в деревне, потом пошла по берегу и поскользнулась и упала в воду, а меня вытащила подружка – она меня спасла и она герой» – вот такие тексты мне приходилось видеть тут на прозе ру. И это считается – «художественное» произведение, а автора приняли в ООО Союз – и она уже считает себя писателем! Ужас современной жизни. Интересно, когда это «она» ходила за яблоками? Весной или всё же осенью? Когда это упала она? – дождик был? Или стояла адская жара? Таких перлов можно найти тысячи! И вообще, воровать яблоки – это хорошо или плохо?

И тот же Лев Толстой, в свое время, критически оценивая современное ему «бездумное» искусство, всякого рода натуралистические упражнения, говорил:

«Но разве это искусство? А где же одухотворяющая мысль, делающая бессмертными истинно великие произведения человеческого ума и сердца?» – (из писем Стахову). В иной связи, но столь же ясно и убедительно о роли творческой мысли писал и Пушкин в своих заметках о прозе. Проза, заявлял он, «требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат».

В процессе творчества, несомненно, весьма важную роль играет характер понимания писателем окружающего мира. И не только в том, какие стороны, какие явления и события привлекают внимание писателя. Особенности ясно выражаются и в том, что он считает существенным и характерным в современной ему жизни или истории, в чем он видит возвышенное и низменное, комическое и трагедийное.

Крупных художников слова никак нельзя отнести к числу пассивных созерцателей жизни. Пытливый интерес к миру и людям, стремление их понять – проявляются у писателей разных литературных течений.

Смелое обобщение жизни (с одной стороны) – и безучастное созерцание окружающего (с другой) – «несовместимы». Анатолий Франс следующим образом рассказывает о деятельности ученого-физиолога Мажанди: «Мажанди производил множество опытов без всякой пользы. Он страшился гипотез, как причины заблуждений... он вскрывал ежедневно собак и кроликов, но без всякой предвзятой идеи и не находил в них ничего, по той простой причине, что ничего не искал». Эти остроумные суждения А. Франса имеют отношение к литературе. Они убедительно говорят о значении творческой целеустремленности, как для ученого (в примере), так и для художника слова.

Типизация явлений жизни находится в тесном взаимодействии с творческой целеустремленностью писателя, с теми идеями, которые, так или иначе, направляют его художественные искания. Проще сказать – для чего писатель пишет, для кого?

Одаренный писатель может накопить большие знания, касающиеся той или иной сферы жизни, быть весьма осведомленным человеком в той или иной области, и тем не менее – при отсутствии широкого взгляда на жизнь – он оказывается бессильным раскрыть существенное что-либо в действительности.

В рецензии на «Картины из русского быта» В. И. Даля – Н. Г. Чернышевский отмечал: что важнейший недостаток его народных рассказов состоит именно в том, что Даль, писатель, не обнаружил глубокого и верного понимания народной жизни. Но – «он знает народную жизнь, как опытный петербургский извозчик знает Петербург», ему известны отдельные переулки и улицы, но настоящего представления об облике города в целом, о его характере, о его особенностях – он не имеет.

Так и мы можем все знать о своих друзьях, о которых пишем, обо всех маленьких подробностях, – а о характере их, об их сходной стороне со всеми людьми и об их особенностях и отличиях ничего не сказать.

Горький много писал для начинающих писателей. В своих суждениях от имени читателя Горький выразил свое тогдашнее понимание литературы, её общественное назначение. Отрицательное отношение читателя (по словам Горького) вызывает описательная, бескрылая беллетристика: «Загромождающая память и внимание людей мусором фотографических снимков с их жизни, бедной событиями, подумай, не вредишь ли ты людям? Ибо, – сознайся! – ты не умеешь изобразить так, чтобы твоя картина жизни вызвала в человеке: мстительный стыд или жгучее желание создать иные формы бытия... (начать жить по-другому). Можешь ли ты ускорить биение пульса жизни, можешь ли ты вдохнуть в неё энергию, как это делали другие? (писатели: Достоевский, Толстой с Анной Карениной). Да хотя бы задуматься над собой можешь ли ты заставить читателя своими словами, которые сухо, как протокол повествуют.

Объединяющую мысль, как ведущее начало творчества Горький видел в страстной борьбе против мерзостей жизни, в том, чтобы неустанно звать к созданию иных форм человеческого существования. Широкий и активный подход к действительности сливает воедино и большую мысль и чувства, и передовые идеи и живые художественные образы.

Конец.

Воображение и творчество

Прежде чем было изобретено колесо, кто-то и когда-то давно вообразил, как было бы здорово не тащить груз, а подложить под него что-нибудь круглое и толкать и катить, что значительно легче. И так делали на протяжении веков люди. Прежде чем появились самолеты, человек мечтал о том, чтобы полететь как птица, конструировал крылья и другие летательные аппараты. Любому открытию или изобретению предшествовала работа воображения.

Без воображения было бы невозможно развитие духовной и материальной культуры. При этом о самом механизме воображения нам практически ничего неизвестно. Наши ученые представляют, – как работают органы чувств, как мозг перерабатывает поступающую от чувств информацию, как устроена память, и какие физиологические процессы её сопровождают. Но ничего неизвестно о том, какие нервные структуры отвечают за воображение, где оно локализовано в мозге, – это науке пока неизвестно.

Воображение – (определение) это особая форма человеческой психики, отвечающая за построение новых образов. Воображение – это звено соединяющее память и мышление.

Образы рождаются воображением при помощи мышления.

Образы возникают на основе того, что было некогда уже воспринято органами чувств и отложено в памяти. Самые фантастические картины художников и невероятные фантазии писателей, как из мозаики, сложены из кусочков некогда воспринятой ими реальности. Например, кто-то и когда-то, соединил в своем воображении тело лошади и человека и выдумал фантастическое существо – кентавра.

Воображаемые образы, иногда, имеют мало общего с действительностью и тогда их называют – фантазией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.